ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

Книга 3

ИСТОРИЯ БАНКОВСКОГО ДЕЛА
от флорентийских менял до мобильного банка

Виталий Гурьев

Виталий Гурьев

История банковского дела: от флорентийских менял до мобильного банка

https://litres.ru/74737153
SelfPub; 2026

Аннотация

Слово «банк» пришло от скамьи менялы на итальянской площади. Эта книга показывает, как из скромного обмена монет выросла система, через которую сегодня проходит каждый ваш платеж. Вы узнаете, как работали векселя, зачем купцам понадобилась двойная запись, как появились депозиты и почему банки разорялись еще в Средние века. Мы разберем путь от банка Медичи до мобильного приложения и объясним, откуда берутся проценты по вкладам и кредитам. Книга поможет вам понимать, как банк зарабатывает на ваших деньгах и где проходят границы его надежности.

AI was used in the preparation of the book.

Содержание

Глава 1. До банков: храмы, зерно и серебро 5
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Виталий Гурьев
История банковского дела: от флорентийских менял до мобильного банка

Эта книга носит образовательный и познавательный характер. Ни одно из её положений не является индивидуальной инвестиционной рекомендацией, предложением купить или продать какой-либо финансовый инструмент, налоговой или юридической консультацией.

Описания исторических событий, цифры и оценки основаны на открытых источниках и работах историков. Там, где данные расходятся, приведены распространённые оценки, а мнения и версии отделены от установленных фактов. Упоминания реальных компаний и людей служат иллюстрацией исторических процессов и не являются рекламой или оценкой их текущей деятельности.

Сведения о современных рынках и правилах изложены по состоянию на момент написания книги и могут измениться. Инвестиции связаны с риском, и решения о вложении денег вы принимаете самостоятельно и под свою ответственность.

Глава 1. До банков: храмы, зерно и серебро

В пятницу вечером Кирилл, двадцатисемилетний фронтенд-разработчик из Нижнего Новгорода, стоял у кассы маленькой кофейни и приложил телефон к терминалу. Телефон коротко завибрировал, на экране появилась зелёная галочка, и через секунду пришло уведомление о списании трёхсот двадцати рублей. Кирилл даже не задумался о том, что в этот момент его банк, банк кофейни и платёжная система обменялись несколькими сообщениями, сверили остатки и записали одну и ту же сумму в разные учётные книги. Для него банк давно превратился в иконку на экране, которая просто работает. Если бы его спросили, что такое банк, он, скорее всего, ответил бы, что это приложение, в котором лежат деньги.

В тот же вечер в Воронеже Наталья Сергеевна, сорокашестилетняя учительница истории, сидела над тетрадью, в которую аккуратно записывала свои вклады. В тетради были названия банков, даты окончания вкладов, ставки и суммы, которые она откладывала много лет на ремонт и на помощь дочери. Наталья Сергеевна не доверяла приложениям полностью и каждый раз, когда вклад заканчивался, ехала в отделение, чтобы лично поговорить с сотрудником. Её роди-

тели потеряли сбережения в начале девяностых, и с тех пор слово «банк» вызывало у неё одновременно уважение и настороженность. Она понимала, что деньги нужно где-то хранить, но не понимала, почему банк платит ей проценты и откуда он их берёт.

Кирилл и Наталья Сергеевна будут сопровождать нас на протяжении всей книги, потому что в них соединяются два типичных отношения к банку. Один пользуется им легко и почти бездумно, другая пользуется осторожно и с внутренним напряжением. Ни у того, ни у другой нет ясной картины того, как банк устроен изнутри и почему он вообще существует. Именно эту картину мы будем собирать глава за главой, начиная с самого начала, которое оказалось гораздо древнее, чем принято думать. Чтобы понять мобильный банк, нам придётся отправиться туда, где ещё не было ни монет, ни бумаги, ни самого слова «банк».

Представьте себе равнину между реками Тигр и Евфрат около пяти тысяч лет назад. Здесь, на территории нынешнего Ирака, люди одними из первых научились выращивать зерно в таких количествах, что его стало больше, чем можно съесть за один сезон. Излишек урожая нужно было где-то хранить, защищать от воров, крыс и сырости, а затем распределять между теми, кто работал на полях, строил каналы и служил в войске. Так появились большие зернохранилища при храмах и дворцах правителей. В этих хранилищах и родилась идея, которая через тысячелетия ляжет в основу банковского дела.

Зерно в Месопотамии было не просто едой, а мерой ценности, в которой считали долги, зарплаты и подати. Крестьянин, принёсший мешки ячменя в храмовое хранилище, получал взамен запись о том, сколько именно он сдал. Запись делали на маленькой табличке из сырой глины, которую потом высушивали, и она становилась прочным документом. По сути это была квитанция о вкладе, хотя сам вкладчик вряд ли мыслил такими словами. Важно другое: у человека появилось право требования, отделённое от самого зерна, и это право можно было подтвердить в любой момент.

Если вы когда-нибудь сдавали пальто в гардероб и получали взамен номерок, вы уже понимаете суть этой операции. Номерок не греет и не защищает от дождя, но он даёт вам право забрать своё пальто. Глиняная табличка была таким же номерком, только для зерна, и она хранилась подолгу, иногда годами. Со временем выяснилось, что такими номерками можно расплачиваться: если у вас есть право получить десять мер ячменя из хранилища, вы можете передать это право соседу в обмен на козу. Пока люди доверяли хранилищу, они доверяли и записи о нём.

Храмы Шумера быстро стали не только хранителями, но и кредиторами. Весной, когда запасы у крестьянских семей подходили к концу, а до нового урожая было далеко, люди приходили в храм и брали зерно в долг. Осенью, после жатвы, они возвращали взятое с прибавкой. Эту прибавку мы сегодня назвали бы процентом, и в шумерском языке для неё

было слово «маш», которое также означало приплод скота. Логика была понятной для земледельца: если из одного зерна вырастает колос, а из одной овцы рождается ягнёнок, то и долг должен приносить своё потомство.

Сохранились тысячи долговых табличек, на которых записаны имя заёмщика, количество взятого зерна или серебра, срок возврата и имена свидетелей. Многие таблички запечатаны в глиняные конверты, на которых повторён тот же текст. Такая двойная запись защищала от подделки: если кто-то пытался исправить сумму на внешнем конверте, его можно было разбить и сравнить с внутренним текстом. Получается, что уже четыре тысячи лет назад люди думали о том, как защитить долговой документ от мошенничества. Эта забота о достоверности записи пройдёт через всю историю банков вплоть до современных систем шифрования.

Постепенно наряду с зерном мерой ценности стало серебро. Монет ещё не существовало, поэтому серебро отвешивали кусками, кольцами и спиралями на весах. Основной единицей веса был сикль, или шекель, примерно восемь граммов серебра, а шестьдесят сиклей составляли мину. Серебро было удобнее зерна: оно не портилось, не занимало много места и не привлекало грызунов. Купцы, отправлявшиеся с караванами в далёкие города, брали с собой серебро, а не мешки с ячменём, и именно вокруг серебра начали складываться первые частные финансовые дела.

Около 1754 года до нашей эры вавилонский царь Хамму-

рапи приказал высечь на большой базальтовой стеле свод законов, который сегодня хранится в Лувре. Среди почти трёх сотен статей этого свода немало посвящено долгам, займам и хранению чужого имущества. Это один из первых случаев в истории, когда государство взялось письменно регулировать отношения кредиторов и должников. Законы Хаммурапи часто вспоминают из-за жестоких наказаний, но для нашей темы важнее их деловая часть. Она показывает, что финансовые споры уже тогда были настолько частыми, что требовали единых правил.

Законы Хаммурапи устанавливали предельную плату за пользование чужим имуществом. По сохранившимся текстам того времени и по самим законам принято считать, что за заём зерна можно было брать до трети от суммы долга в год, а за заём серебра до одной пятой. Иными словами, если вы брали сто мер ячменя, то осенью могли вернуть до ста тридцати трёх мер с небольшим, а за сто сиклей серебра до ста двадцати сиклей. Разница в ставках объяснялась просто: зерно сильнее колебалось в цене и было связано с рисками неурожая, а серебро было стабильнее. Кредитор, взявший больше дозволенного, по закону терял право на всю сумму.

Закон защищал и должника от разорения. Если человек не мог расплатиться, он мог отдать в долговое услужение члена семьи, но такое услужение ограничивалось тремя годами, после чего человек обретал свободу. Если урожай погибал из-за засухи или наводнения, должник в тот год мог

не платить проценты. Конечно, жизнь далеко не всегда соответствовала тексту на камне, и многие крестьяне попадали в долговую зависимость надолго. Тем не менее сама идея, что у кредитора есть пределы, а у должника есть защита, впервые прозвучала именно здесь.

Отдельные статьи законов касались хранения чужого имущества. Если человек отдавал на хранение зерно, серебро или другие ценности, сделка должна была заключаться при свидетелях и с письменным договором. Если хранитель терял доверенное ему имущество по своей вине, он обязан был возместить ущерб. Если же хозяин требовал назад то, чего не сдавал, и это удавалось доказать, наказывали самого хозяина. Вы видите здесь зачатки того, что сегодня называется договором банковского вклада, с его письменной формой, ответственностью хранителя и защитой от ложных претензий.

Месопотамская финансовая жизнь не ограничивалась храмами. В Вавилоне VII–V веков до нашей эры процветал торговый дом семьи Эгиби, о котором мы знаем удивительно много благодаря примерно тысяче семистам сохранившимся табличкам. Пять поколений этой семьи вели дела непрерывно, переживая смену царей, ассирийское владычество, возвышение Нововавилонского царства и персидское завоевание. Эгиби выдавали займы, принимали серебро на хранение, покупали и сдавали в аренду земли и дома, участвовали в сборе налогов и в торговле финиками и ячменём. Их архив читается как хроника семейного предприятия, которое уме-

ло зарабатывать при любой власти.

Эгиби интересны тем, что их деятельность уже очень похожа на работу частного банкира. Они брали чужие средства и пускали их в оборот, выступали посредниками между теми, у кого были свободные ресурсы, и теми, кому эти ресурсы были нужны. Они платили по поручениям клиентов третьим лицам и принимали платежи от должников клиентов. При этом настоящих банковских счетов в современном понимании у них не было, и каждая операция фиксировалась отдельным документом. Главным капиталом Эгиби была репутация, накопленная поколениями, и именно она позволяла им привлекать новых клиентов.

Представьте, что вы живёте в Вавилоне и у вас есть несколько мин серебра, полученных в наследство. Хранить их дома опасно, а пустить в дело самостоятельно вы не умеете. Вы идёте к известному семейству, которое ведёт дела много лет, и передаёте ему серебро на определённых условиях. Семейство выдаёт часть этого серебра в заём торговцу финиками, а торговец через полгода возвращает долг с прибавкой. Часть прибавки семейство оставляет себе за риск и труд, а часть передаёт вам, и в этом простом обороте уже видна схема, по которой банк зарабатывает до сих пор.

Перенесёмся теперь на запад, в Древнюю Грецию V–IV веков до нашей эры. Здесь, в отличие от Месопотамии, уже ходили монеты, которые начали чеканить в соседней Лидии около VII века до нашей эры. Каждый крупный греческий

город выпускал собственные монеты с собственными изображениями, весом и содержанием серебра. Купец, приплывший в Афины из Коринфа или с острова Эгина, привозил чужие деньги, которые на афинском рынке нужно было обменять. Так возникла профессия, ставшая одним из прямых предков банкира.

Первые монеты появились в Лидии, царстве на западе современной Турции, и делались из электра, природного сплава золота и серебра. Беда электра заключалась в том, что доля золота в нём сильно колебалась от слитка к слитку, и две одинаковые на вид монеты могли иметь разную ценность. Позднее лидийские цари наладили выпуск отдельно золотых и отдельно серебряных монет, и это стало важным шагом к доверию к деньгам. Государственное клеймо на монете было обещанием правителя, что внутри содержится определённое количество металла. Однако обещание работало только в пределах собственной страны, а за её границами монету снова приходилось взвешивать и проверять.

Греки называли этих людей трапезитами, от слова «трапеза», которое означало стол. Трапезит сидел за столом на рыночной площади или в порту, проверял монеты на подлинность, взвешивал их и менял одни деньги на другие с небольшой прибылью. Постепенно трапезиты начали принимать деньги на хранение, выдавать займы и производить платежи по поручению клиентов. В крупнейшем порту Афин, Пирее, их столы стояли рядом с причалами, где разгружа-

лись суда с зерном из Причерноморья и Египта. Интересно, что в современном греческом языке слово «трапеза» по-прежнему означает банк.

Самый известный афинский трапезит по имени Пасион начинал свою жизнь рабом. Он служил в меняльной конторе у двух банкиров, Антисфена и Архестрата, и настолько хорошо проявил себя, что хозяева дали ему свободу и со временем передали своё дело. Пасион развернулся в полную силу: он принимал вклады, выдавал займы судовладельцам и купцам, владел мастерской по изготовлению щитов. Его щедрые подарки городу, в том числе боевые корабли и тысяча щитов, принесли ему афинское гражданство, что для бывшего раба было почти немыслимым возвышением. Мы знаем о нём из судебных речей Демосфена и Исократа, которые выступали по делам, связанным с его банком.

Судьба Пасиона показывает, на чём строилось доверие к античному банкиру. Клиенты знали, что он ведёт аккуратные записи, помнит, кто сколько принёс и кому что должен, и не отрицает своих обязательств. Когда Пасион состарился, он передал банк своему бывшему рабу Формиону, которого тоже освободил, и даже завещал ему в жёны свою вдову. Для греков это выглядело странно, но с деловой точки зрения было логично: Формион знал всех клиентов, все записи и все тонкости дела. Банк держался на знании и личной надёжности конкретных людей, а не на уставе и лицензии.

Самым интересным видом займов у трапезитов были мор-

ские займы. Купец, отправлявшийся за зерном к берегам Чёрного моря, брал деньги под залог судна и груза. Если корабль благополучно возвращался, купец выплачивал долг с очень высокими процентами, которые за одно плавание могли доходить до двадцати или тридцати процентов. Если корабль тонул или его захватывали пираты, долг полностью прощался. В такой сделке кредитор фактически брал на себя риск гибели груза, и высокая плата была вознаграждением за этот риск.

Морской заём хорошо объясняет одну важную мысль, к которой мы будем возвращаться в разных формах. Величина процента зависит от того, насколько велик шанс потерять деньги. Афинский кредитор, отдававший деньги купцу на одно опасное плавание, требовал втрое больше, чем за обычный заём под залог дома в городе. Если вам когда-нибудь казалось несправедливым, что кредит без залога стоит дороже ипотеки, вспомните греческого купца и его корабль. Логика осталась прежней на протяжении двух с половиной тысяч лет.

Здесь стоит разобрать ещё одну ошибку, которую часто совершают люди, впервые знакомящиеся с историей процента. Им кажется, что высокие ставки древности были проявлением жадности кредиторов и бедственного положения должников. Отчасти это правда, ведь долговая кабала ломала жизни многих семей. Однако значительная часть высокой платы объяснялась вполне объективными причинами: от-

сутствием надёжного взыскания, частыми войнами, неурожаями, пиратством и короткой продолжительностью жизни самих участников сделки. Когда вероятность не получить деньги обратно велика, кредитор либо требует большой надбавки, либо вовсе отказывается давать в долг, и второй вариант для экономики хуже первого.

Афинские трапезиты тоже разорялись, и судебные речи того времени сохранили отголоски таких историй. Банкир мог неудачно выдать крупный морской заём, клиенты одновременно требовали свои деньги, и выяснялось, что наличных монет в его сундуках не хватает. Иногда банкир просто исчезал из города вместе с вкладами, оставляя клиентов с бесполезными записями. Афинский суд мог присудить им имущество беглеца, но это редко покрывало всё потерянное. Уже тогда было понятно, что деньги, отданные банкиру как сумма, а не в запечатанном мешке, несут в себе риск, который невозможно полностью устранить.

Крупными финансовыми учреждениями в Греции были и храмы. В святилищах Олимпии, Дельф, Эфеса и других мест скапливались огромные богатства из пожертвований, военной добычи и десятин. Храм считался местом священным и защищённым, поэтому города и частные лица оставляли там свои ценности на хранение. Грабить храм означало навлечь на себя гнев богов и всеобщее осуждение, и это было лучшей охраной, какую можно было придумать в те времена. Жрецы со временем начали пускать часть этих богатств в оборот.

Особенно хорошо изучены финансы храма Аполлона на маленьком острове Делос в Эгейском море. Сохранились отчёты управителей храма, в которых подробно перечислены займы, выданные городам соседних островов Кикладского архипелага. В первой половине IV века до нашей эры храм ссужал города под десять процентов годовых, а в списках упоминаются и должники, которые долго не платили. Храм выступал своего рода региональным банком развития: города брали деньги на строительство, ремонт укреплений и закупку зерна в неурожайные годы. Заметьте, ставка храма была заметно ниже, чем у частных морских кредиторов, потому что города считались надёжными заёмщиками.

Впрочем, история делосских займов показывает и обратную сторону. Когда несколько городов перестали платить, у храма не оказалось действенных способов заставить их рассчитаться. Святость места защищала хранимые богатства от воров, но не помогала взыскивать долги с суверенных городов. Эта проблема, когда сильный заёмщик просто отказывается возвращать деньги, позднее станет причиной падения многих знаменитых банкирских домов. Мы ещё увидим, как она снова и снова будет разрушать самые крупные финансовые состояния.

Ещё более удивительная финансовая система сложилась в эллинистическом Египте при династии Птолемеев, правившей после завоеваний Александра Македонского с конца IV века до нашей эры. Египет был житницей Средиземноморья,

и зерно здесь оставалось главным богатством. Цари создали разветвлённую сеть государственных зернохранилищ по всей долине Нила, связанных единой системой учёта. Крестьяне, землевладельцы и чиновники держали в этих хранилищах своеобразные зерновые счета. Распоряжения о переводе зерна с одного счёта на другой исполнялись без физического перемещения мешков.

Представьте, что землевладелец из Верхнего Египта должен заплатить налог или рассчитаться с купцом в Александрии. Вместо того чтобы грузить зерно на баржу и везти его сотни километров вниз по Нилу, он даёт письменное распоряжение хранилищу. Хранилище уменьшает его запись и увеличивает запись получателя или передаёт поручение в другое хранилище сети. Зерно продолжает лежать на месте, а меняются только записи о том, кому оно принадлежит. Это очень напоминает безналичный перевод, который Кирилл совершает в своём приложении, только вместо рублей на счетах лежали мешки пшеницы.

Наряду с зерновыми хранилищами Птолемеи учредили царские банки, которые занимались денежными операциями. Через них собирали налоги, выплачивали жалованье чиновникам и солдатам, проводили государственные платежи. В крупных городах работали и частные банки, но их деятельность жёстко контролировалась государством, которое сдавало право на банковское дело в откуп. Египетский опыт впервые показал, как может выглядеть финансовая система,

в которой главным банкиром выступает само государство. Через две тысячи лет этот вопрос, кто должен управлять деньгами страны, станет одним из центральных в истории банков.

Наконец, обратимся к Риму, где античное банковское дело достигло своего расцвета. На римском форуме, в лавках по краям площади, работали люди нескольких финансовых профессий. Нуммулярии проверяли подлинность монет, меняли их и оценивали качество металла. Аргентарии, чьё название происходит от латинского слова «аргентум», то есть серебро, были уже полноценными банкирами. Они принимали деньги на хранение, выдавали займы, проводили платежи по поручению клиентов и организовывали торги на аукционах.

Рабочее место римского банкира называлось мензой, от латинского слова «стол», и в этом заметна прямая преемственность с греческими трапезитами. Над лавками аргентариев на форуме стояли базилики и храмы, а рядом шумели торговцы, ораторы и толпы горожан. Банкиры работали и в провинциальных городах империи, от Галлии до Сирии, и при раскопках Помпей археологи нашли архив банкира Луция Цецилия Юкунда. В его доме сохранились восковые таблички с расписками о продаже имущества на аукционах и о выплате денег продавцам за вычетом комиссии. Эти таблички пролежали под пеплом Везувия почти тысячу восемьсот лет и рассказали о будничной работе провинциального бан-

кира подробнее любого исторического трактата.

Римский аргентарий вёл подробные книги, в которых записывал поступления и выдачи по каждому клиенту. Эти книги имели доказательную силу в суде, и претор мог потребовать их предъявления в споре. Если клиент поручал аргентарию заплатить своему кредитору, банкир просто делал соответствующую запись, и деньги переходили от одного лица к другому. Аргентарии часто присутствовали на аукционах, где продавались имущество, рабы и вино, и давали покупателям рассрочку платежа. Так банкир становился незаменимым участником торговой жизни огромного города.

Римляне различали два вида хранения, и это различие дожило до наших дней. Если вы оставляли банкиру запечатанный мешок с монетами, он обязан был вернуть именно этот мешок, не трогая содержимого. Такой вклад назывался регулярным, и банкир не имел права им пользоваться. Если же вы отдавали монеты просто как сумму, банкир мог распоряжаться ими по своему усмотрению и вернуть вам потом другие монеты на ту же сумму. Такой вклад назывался иррегулярным, и именно он открывал банкиру возможность пускать деньги клиентов в оборот.

Разница между этими двумя видами хранения кажется технической, но на ней держится вся банковская экономика. Сегодня, когда вы арендуете ячейку в банке, вы заключаете договор, похожий на римский регулярный вклад: банк хранит вашу коробку, но не знает и не трогает её содержимого.

Когда вы открываете вклад или кладёте деньги на карту, вы заключаете договор, похожий на иррегулярный: банк получает право пользоваться вашими деньгами и обязуется вернуть вам такую же сумму. Наталья Сергеевна, приходя в отделение, всегда интуитивно чувствовала эту разницу, хотя и не знала римских терминов. Её деньги на вкладе не лежат в отдельном конверте с её фамилией, они работают, и это одновременно источник процентов и источник риска.

Рим знал и настоящие финансовые кризисы. В 33 году нашей эры, при императоре Тиберии, в городе разразилась острая нехватка денег. Строгое применение старых законов о займах заставило кредиторов одновременно требовать возврата долгов, а должники бросились продавать землю, отчего цены на неё обвалились. Аргентарии оказались в тяжёлом положении, многие семьи разорились, и паника охватила форум. Тиберий решил проблему необычным для того времени способом: выделил сто миллионов сестерциев, которые раздавали через банкиров должникам в беспроцентный заём на три года под залог земли.

Этот эпизод, описанный римским историком Тацитом, поразительно напоминает действия современных правительств во время кризисов. Государство вливает деньги в финансовую систему, чтобы остановить панику и не дать цепочке неплатежей разрушить хозяйство. Сам Тиберий вряд ли думал о теории денежного обращения, однако интуитивно понял главное: в кризис людям нужна уверенность, что

деньги где-то есть. Мы ещё вернёмся к этой мысли, когда будем говорить о центральных банках. Пока достаточно заметить, что механизм банковской паники был известен уже две тысячи лет назад.

Важно понимать и ограничения античного банковского дела, чтобы не идеализировать его. Банкиры Греции и Рима работали преимущественно с наличными монетами и с местной клиентурой. У них не было сетей отделений в разных странах и не было надёжных способов переводить деньги на большие расстояния без перевозки металла. Их деятельность держалась на личных знакомствах, и крупные государственные финансы проходили в основном мимо них. Статус банкира в Риме тоже был невысоким, ведь знатные римляне считали ростовщичество и торговлю занятием, недостойным сенатора.

Знатные римляне при этом охотно давали деньги в рост, только делали это через посредников, вольноотпущенников и доверенных лиц. Знаменитый оратор Цицерон в своих письмах упоминает, как его друг Брут через агентов ссужал город Саламин на Кипре под сорок восемь процентов годовых, тогда как закон допускал лишь двенадцать. Цицерон, бывший в то время наместником провинции, оказался в неловком положении между законом и дружбой. Эта история показывает, насколько разрыв между официальными правилами и реальной практикой был характерен для античных финансов. Высокопоставленный кредитор мог позволить се-

бе то, за что простого банкира сурово наказали бы.

Перед тем как двигаться дальше, давайте остановимся на одной распространённой ошибке восприятия. Многим кажется, что банк появился вместе с монетами, будто деньги и банк неразрывно связаны с самого начала. На самом деле, как вы уже видели, основные банковские операции появились раньше монет. Хранение чужих ценностей, кредит под процент и перевод права собственности без перемещения самих ценностей существовали в Месопотамии за полторы тысячи лет до первой монеты. Монеты лишь сделали эти операции удобнее и расширили круг участников.

Вторая распространённая ошибка противоположна первой. Читая о табличках Эгиби и книгах аргентариев, легко решить, что античные банки почти ничем не отличались от современных. Это не так, и разница принципиальна. Античный банкир почти никогда не создавал новых платёжных средств, его записи не ходили по рукам как деньги, а доверие к нему не опиралось на государственные гарантии или надзор. Каждый банкир был сам по себе, и его крах означал крах только его клиентов, без цепной реакции по всей системе.

Почему же этот богатый античный опыт не перетёк плавно в средневековье? С падением Западной Римской империи в V веке хозяйственная жизнь в Европе резко упростилась. Города уменьшились, дороги пришли в упадок, торговля на большие расстояния сократилась, а монетное обращение во многих областях почти исчезло. Люди возвращались к нату-

ральному хозяйству, обмену товарами и расчётам продуктами. Там, где нет постоянной торговли и денежного оборота, банкиру просто нечем заниматься.

К экономическому упадку добавилось изменение взглядов на мораль денежных отношений. Распространение христианства принесло с собой резко отрицательное отношение к получению процента с займов, о чём подробно пойдёт речь в одной из следующих глав. Для нас сейчас важно, что в раннем средневековье кредит под процент оказался одновременно невыгодным из-за бедности и осуждаемым из-за религии. Профессия банкира, процветавшая на римском форуме, почти исчезла с карты Западной Европы на долгие столетия. Только в Византии и в арабском мире традиции денежного хозяйства сохранились в более полном виде.

Арабский мир этого времени заслуживает отдельного упоминания, хотя бы для того, чтобы вы не думали, что финансовая мысль на тысячу лет погрузилась в сон. Купцы Багдада, Каира и Кордовы торговали на огромных пространствах от Испании до Индии. Они пользовались письменными денежными поручениями, которые позволяли получить деньги в другом городе по документу, выданному доверенным партнёром. Одно из таких поручений называлось «сакк», и многие исследователи считают, что от него происходит европейское слово «чек». Позднее итальянские купцы многое переняли у арабских торговых партнёров, в том числе приёмы расчётов и счёта.

В Византии, наследнице восточной части Римской империи, менялы и банкиры продолжали работать в Константинополе почти без перерыва. Закон императора Юстиниана в VI веке установил для них особые правила и предельные ставки по займам, а сами банкиры объединялись в профессиональные корпорации. Византийская золотая монета, солид, сохраняла стабильный вес на протяжении нескольких веков и служила международной валютой своего времени. Однако византийские финансы были тесно связаны с государством и не породили новых форм банковского дела. Настоящее возрождение банковского ремесла случилось в другом месте, на итальянских городских площадях.

Давайте теперь посмотрим на всё, что мы узнали, глазами наших героев. Кирилл, который расплачивается телефоном и никогда не держал в руках слитка серебра, на самом деле пользуется теми же базовыми идеями, что и вавилонский крестьянин. Его деньги в банке существуют как запись, подтверждающая право требования, как когда-то зерно в храмовом хранилище существовало как запись на глиняной табличке. Его перевод другу в соседний город проходит без перемещения купюр, как перевод зерна между хранилищами Птолемеев. Он берёт кредит и платит проценты, размер которых зависит от риска, как платил афинский купец перед опасным плаванием.

Наталья Сергеевна тоже может увидеть в древней истории отражение своих тревог. Её осторожность по отношению к

банкам имеет глубокие корни, ведь уже в законах Хаммурапи обсуждался вопрос, что будет, если хранитель потеряет чужое имущество. Её интуитивное понимание, что вклад отличается от ячейки, восходит к римскому различию между регулярным и иррегулярным хранением. Её желание лично знать сотрудника банка перекликается с тем, как клиенты Пасиона доверяли не учреждению, а конкретному человеку. Древние финансы оказываются не музейной экзотикой, а зеркалом, в котором легко узнать себя.

Из этой главы стоит вынести несколько мыслей, которые пригодятся вам в дальнейшем. Банковское дело родилось из потребности хранить излишки, переносить ценность во времени и пространстве и соединять тех, у кого есть свободные ресурсы, с теми, кому они нужны. Процент с самого начала был платой за время и за риск, и чем выше риск, тем выше плата. Запись о праве требования оказалась удобнее самого имущества, но вся конструкция держится на доверии к тому, кто ведёт записи. Как только доверие исчезает, рушится и вся система, будь то храм на Делосе или банк в вашем телефоне.

Мы оставляем античный мир в тот момент, когда его финансовые традиции почти угасли на западе Европы. Чтобы они возродились, понадобились оживление торговли, рост городов и появление людей, которые снова начали считать деньги профессионально. Такие люди появились в итальянских городах, где на рыночных площадях снова встали столы

и скамьи для обмена монет. Именно от этой скамьи, а не от античного стола трапезита, произошло слово, которое сегодня звучит на всех языках мира. В следующей главе мы отправимся на эти площади и посмотрим, как средневековые менялы заново изобрели банковское дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.